

Ярослав Таран

НОВЫЙ РИМ

Что делать мне с моей виной?

Как только сердце оживает –
и солнцем катится в нём обруч золотой:
то облачным весельем прозревая,
то зрелой тайной яблока блеснув,
себя качает слово на весу
вращающейся в лёгких полноты...–

тогда на слух ведут как раз
Вины моей кромешные кроты,
деньгами века вскормленного, Вия;
и воздух хлюпает, как грязь:
“Что с нами сделал ты,
И где твоя Россия?..”

февр.2005

Тоска по родине – давно
Разоблачённая морока...
Цветаева

Мне не унять тоски...
И не пытаюсь лживо:
по-пушкински просты
её речитативы.
Её лесов, полей
бескрайние призывы.
Большевиков, царей
упорный полусон.
Горящие разрывы
её времён.

С высот необоримых –
соцветие культуры.
В провалах молчаливых –
семипудовой дури
удушьё... Алой марлей
на снег! любовь из горла...
Пошла гулять, святая!
По венам и аортам –

невыносимой болью –
хмельная удаль! Орды
со дна восставшей гари...
Всё претерпеть! Не с горя –
за правду умереть.
Тоска! тоска по воле:
запить или запеть!..

Хруст наста, звон оков,
надрывный хлыст частушек,
неутолимый вздох
миров иных и зов
колоколов; избушек,
бегущих, как со звёзд –
бесстрашно по пространству
разбросанных даров:
в глухой ночи, в бреду –
предродовые стоны
доверчивых и странных
асимметричных душ
космического строя.

ноябрь 2006

Ирония ода

Сестрёнка мудрости, дитя
свободного полёта,
Ирония,
твоё игристое вино
так лечит душу, так оберегает
её от косности немого вещества!..

Зачем,
забыв предназначенье птичье:
летать и мыслить,
покалывать под темечком, искриться,
не дать уверовать глупцу
в бесстыдство схем,
свихнувшихся на логике, и в их
верховное господство,–

зачем
ты захотела быть сама
Поэзией,
последним словом, мерою вещей?–
и стала
тотальной;

утратив крылья, высоту
и тайну возненавидела и в небо
пустила метастазы пользы.

Из трупа вольной птицы выполз
лукавый червь сомнения –
и именем твоим,
Ирония,
любой восторг, любой порыв открытый
свернул в объём прямой кишки.

И психологией обезвоздушенные души
со вздохом облегчения зарыли
тяжёлый первородный дар, –
свободу совести
сменив свободой торга.

Гарантии числа и доказательств
свели на нет бесстрашие духа, –
живую веру ослепив
и пригвоздив к позорному столбу
способность целостного знания.

С упорством сумасшедшего ища
критерий истины как механизма,
рассудок продолжал вести подкоп,
чтоб завершить начавшийся анализ:
въедался в царство тонких величин
и самозванцем, взгромоздившимся на трон,
указывал уму и сердцу путь спасенья, –

доразложил в итоге самого себя
и разразился смехом идиота
над бездной.

Стал вакуум материей, материя – нулём.
Жизнь надорвалась, захлебнувшись
открытым невзначай обманом.

Плоть ускользала из-под рук
в песок несбывшихся наук,
как страус показавших зад, –
мир распадался на глазах...
Клубком змеиным вспух разврат...

Не думать! хватит! крах так крах!..
Забиться в ночь, забиться в снах!..
По-марсиански вспыхнул мак...

Сочилось время из трубы:
за мигом крик – в зыбучий прах...

Заржав, планета встала на дыбы –
от боли обезумевшая мать...
боками водит... вод не удержать!..

Мы пережили страшный век с тобой,
как помогала ты в темнице смут и войн
остаться человеком!..

Ирония, зачем
ты стала «нашим всем»?

дек.2006

НОВЫЙ РИМ

Здесь времени застыла лава –
и слово превращается в слова,
поэзию земной лишают славы:
сладка забвения трава.

В песочницах – пустыня споров:
меняют правду на права
вольнонаёмного раба.
И пошлость расправляет шторы.

Страхуют вещи, жарят шоу.
Знать пухнет, пляшет. Сноб глумится.
А быдло ржёт во весь экран.
И в жилах воровской дурман
наживы жаждою томится.

Судей безыскренные лица
брезгливы, как заборы дач их.
Утратив слух, впотьмах судачат
и о народе распускают слухи,
и презирая, льстят, как слуги.
Воротят нос, но верят в стадо.

Прохлада. Вестники распада,
сбиваясь в стаи, расточают
клубы гламура и разврата.
Дурь размножается в печати,
дух растлевающая мармеладом.
Сенсаций ждут. И ведьмы в моде.

Тошнит от выборных тирад...
Так начинается тиран.
И так война приходит.

Ноябрь 2008

ДУРЬ

Белеет сажа –
всё очевидно:
быть бедным стыдно,
богатым – страшно.
На бойнях Ада
играют туш:
подходит стадо
душевных туш.
И грянет пир!
Единомерный
наполнят мир
едой и спермой
идея денег
и злоба дней.
Их тьмы и тьмы
(во тьме видней) –
за ратью рать –
на брата брат,
чтоб брать и брать...
(Всё очень просто:
есть счёт и польза.)
Черёд настал
контрактов брачных
(никак иначе).
Есть нал, безнал,
живот и чресла,
и нефть, и газ.
Как млеет сердце
от этих нег,
от этих ласк
в груди Европы!
И дай нам Бог –
глубокий вздох
в последний час
перед Потопом.

ноябрь 2006

Рыночные ценности

стынь и глыбь

1

Опять – «задрав штаны
бежать за комсомолом» –
за идолом сверхновым,
но мира – не страны,

и будущее мучить
жерлом мечты зыбучей?
Или, захлопнув дверцы,
быть полным отщепенцем?

Нет выбора как будто...
Но я живой покуда!
Родился – здесь, поэтом...
Но деток жаль. И дедов.

2

Пусть хилые потонут!
Хитрейший наживает:
свою казну потомству
и кармы груз оставит.

Весь в дырах звёзд шалаш,
что над гордыней крыш,
и первородства тайну
перепродашь?.. Шалишь!

3

Не голосуй! Их много.
А ты со мной один.
Прости меня, читатель, ради Бога:
прости за эту расстановку вин.

4

За трусость косной мысли,
за похоть «лучшей жизни» –

нас обманули снова:
свобода слов – без Слова,

раздача прав – без правды,
известности – без славы.

Критерий прост, как гений:
успех, удача, деньги.

Всезряче телеоко –
следит за каждым строго:

высасывая душу,
за чувством чувство сушит

и солит страсти впрок
коммерческий циклоп,–

пока не вступит в силу
тот скотовод унылый,

что строит хлев глобальный,–
и Мао, Гитлер, Сталин

покажутся детьми
в его тени.

5

Запущен метроном. Уж начал век
счёт голосов, голов... Уже господство
закона чисел, не имущих сердца,
так явно, что «один делить на всех»
есть множитель сиротства,
через которое, как ноль,
лишённый стержня смерти
и равнодушный к Свету,
прорваться должен человек, чтоб вновь
уговорить Планету
его не сбросить в Ночь.

ноябрь 2006

Бред

Не плюй из подворотни на...
полустёртая надпись на стене

Я заболел ангиной.
Под телевизор спал.
Увидел длинный, жирный,
кошмарный сериал!..

Купи-продай всеядный
по капле сладким ядом
заполнил наши души.
И худшего удушья,
и злее упыря
не вспомнит Мать-Земля!

Свет высосал, как недра,
из глаз, настроив ум
на похотливо-бледный
рассудочный самум.

Когда ж насытил хлебом,
впился он в сердцевину
любовных алых тайн:
сначала – под личиной
свободы, прав... – алтарь
он выволок на площадь...

За пляску пьяной плоти,
за радость стыд распять,
ничем не беспокоясь,
работать-отдыхать, –
он вычистил нам совесть:
мучительных вопросов
не стало в мире – просто.

И к тем, кто был людьми,
без маски вышел вскоре –
исчадьё Самой Тьмы.
Беспримесное Горе
дохнуло из-под век...

Последней – вырвал память
нам с корнем: начал править
Землёй Сверхчеловек.

И нет закона: кто же
его сильнее, если
он вылез вдруг из кожи –
и стал бессмертной смерти!

Он жижей удовольствий
нас утолил навек.
Хозяин – он, мы – гости.
Мы грязь, Сверхчеловек!

Мы будем твоей пищей,
и калом, и слюной...
Две тыщи лет жил Нищий
тому назад... – Какой?!

Ну, был Один... Предтеча...
твоих чудес и сил!
А впрочем, человечней...
А в общем, я забыл...

Ты был! Ты есть, ужасный!
Сейчас! Везде! Всегда!..
Тому ж, кто любит сказки,
не избежать Суда...

Но тут прервались кадры.
Проклятый сериал!..
Купи-продай всеядный...
По капле: кап-кап-кап...
О Боже! я же спал...

Прости меня, опрятный
весенний демократ:
я неудачник бедный,
кощей полуживой,
интеллигент – без Фрейда
понятно, кто такой!..

Проснулся. В небе синем
взъерошил облака.
За окнами – пустыня.
Вот намело песка!
От края и до края!..
Часы стоят, пугая...
Века идут, идут...
Один я, что ли, тут?!!

ноябрь 06

Пошлость ода

Не тьма, не ограниченность, но света
отсутствие: в последней глубине
провал и пустота – *её* примета,
от примитива до сверхсложных
структур и формул, и всегда – вовне
безлюбой взгляд – и невозможность
ни в чём, ни в ком увидеть Главное:

дым без огня и мир без Бога.
Нагроможденье средств, методик,
деталей не даёт в природе

постичь Живую Суть – в итоге
научно обоснованное рабство

у собственных машин и пользы, и радость
освобождения совести от пут,
извечно угнетавших плоть... Вот тут
и явится без маски тот, чья тайна –
беспримесная Пошлость. И абсурд
не человеком быть, а вещью, станет
изысканнейшим наслаждением распада...

Впервые в мировой истории так рядом,
так вождельно близко!– не над частью,
над всей планетой упиваться властью!–
она провидит уникальный шанс...
И слеп закон. И лёгок «пенопласт».

Лишь цельным восприятием способна
душа от правды ложь отсечь до гроба,
но звёздный ход зависит не от нас.

дек.2006

Поэзия **ода**

Что есть поэзия?.. Вопрос
сродни пилатовскому. Вкось
и вкривь в лесу, раскинув руки,
шатаются деревья, словно звуки
в иных стихах,– завал и бурелом:
коряги-строки, неучи и пни...
А сколько гладко-безупречных форм,
поэзия, тобой обделены!–
и умирают в бесприютной скуке...
Но вопреки привратнице-науке,
стихов разъявшей безответный труп,
божественная, в свой небесный клуб
впускаешь тех, кто сердцу люб.
(Высоцкий, грубо-площадной,
тебе не пасынок – родной!)

Очистив, что оценишь ты?
А что не в силах ты простить?..
Души необщие черты
и дар лица живого? Или – стиль?..
Кто знает... Тайна. Убоится стадо!
Во имя Божие горят костры.
Еретиков жгут. Тó с тобою рядом

в веках – она, то с факелом, то с ядом,
сжимая технологии костыль, –
Сальери зависть: холодна, как шлюха,
монашенка любой безлюбой веры:
унылая воронка, омут слуха –
структуры Бродского – колодцы
и ритмы речевой химеры –
стихи без внутреннего солнца.

окт.2006

Читателю стихов

Поэзии без тайны ядовитый плод
вкусал интеллигент. Народ
решил: «среди живущих ныне
поэтов нет», – и даже
поверил равнодушно
в твою ненужность.

Словесной жаждой
томимые жрецы
бесполого искусства,
бескрылые птенцы
иронией отравленного чувства,
подлунный мир подкинул вам
яйцо кукушки – будущее, – там,

в лукавой стуже
тысячеглавой пустоты, –
один, как Пушкин,
один, как прежде... – ты:
земли и неба стык воздушный,
затворник, со-творец...
И новых песен ждёт гонец.

11февр.2008

А.Кольцову

Мы плоть от плоти, кровь от крови
Культуры русской – на её фронтах
не генералы, а солдаты.
Долг воина – сражаться до конца.
Исхода нет: в тылу – предательство, кругом –
вторжение тьмы унылой! Но другого
достойного мужчины выбора
не может быть: испившему
живой воды литературы нашей,
её творцов дымящиеся судьбы как свою
приявшему и в сердце
впустившему Истории России
пульс огненный и страшный, –
и быть не должно
иного – кроме
последней правоты последнего солдата.

Из всех культур, живущих ныне, только
Христовой Истины вкусившая способна
вместить всечеловеческую Правду.
Трагичными бывают судьбы
свой путь забывших наций. Нам же –
бороться до конца, как просит совесть.
Быть трезвым, вольным, зорким
и умереть с оружием в руках –
единственное право воина:
не верящий в победу, он –
самоубийца или сумасшедший.

Так, любящий, поддавшись разочарованию
в своём Предмете, потеряет зренье –
саму возможность видеть Главное.
Земные очи слишком коротки!
«Любовь слепа» – то аксиома черни.
Любовь одна лишь зряча! – это
надежды свет и стойкость воина.
Залог победы – вера вопреки.
Иного нет.

окт.2006